

— Ты с ума сошёл? — Цинь Хэн, не сдержавшись, бросил через плечо, не отрываясь от бумаг.

Цинь Вэйчу нахмурился, с глядя с недоумением.

— Конечно нет! Разве можно так говорить о родном человеке?

— У меня нет такого позорного брата, — брезгливо отрезал Цинь Хэн.

— Ты ничего не понимаешь! — вспыхнул Цинь Вэйчу, губы его задрожали. — Он не такой, как все... Я никогда не встречал никого подобного. Не могу выбросить его из головы.

— Он в браке.

— Рядом с ним я чувствую себя иначе, совсем по-другому... — голос младшего брата дрогнул.

— Он. В браке, — умышленно растянул слова Цинь Хэн.

— Может, скажешь что-то ещё?! — Цинь Вэйчу стиснул зубы.

— У него есть муж, — наконец оторвавшись от документов, старший брат ткнул пальцем в собственную грудь. — Мой лучший друг.

— Я знаю, — младший брат сдавленно вздохнул.

— Тогда какого чёрта ты продолжаешь это обсуждать?

— Так когда же они разведутся?

...

— Хоть каплю самоуважения сохрани! — Цинь Хэн смотрел на него с горьким разочарованием.

— Немедленно забудь о нём.

Цинь Вэйчу молча смотрел на удаляющуюся спину Линь Цюна, тихо бормоча:

— Истинную любовь не вычеркнешь из сердца. То, что я к нему чувствую — это...

— Бред сумасшедшего?

— ...Беззаветная преданность! — взорвался Цинь Вэйчу.

Цинь Хэн отложил папку с документами, изучающе глядя на младшего брата.

— Ты представляешь, как сейчас выглядишь?

— Как несчастный дурак, не способный добиться взаимности, — с горькой улыбкой пробормотал тот.

— Как подлый Цао Цао, алчущий чужого супруга.

[...]

Повисло неловкое молчание, внезапно прерванное озарением Вэйчу:

— Так ведь! Тогда все говорили, что Линь Цюн женился на Фу Синъюне ради денег?

Он и сам собирался на ту свадьбу, но не смог из-за графика.

Цинь Хэн нахмурился:

— Старший брат Синъюнь.

— Мы сейчас соперники, — оправдался Вэйчу. — Негоже так фамильярничать.

[...]

— Так это правда? — не унимался он, пытливо глядя на брата.

Если да, значит, у него ещё есть шанс.

— Откуда мне знать их отношения? — Цинь Хэн раздражённо махнул рукой. — Я у них под кроватью не живу.

[...]

— Как грубо, — поморщился Вэйчу.

— А ты не грубый?! — Цинь Хэн в ярости треснул его по голове. — Не грубый?! Пожалуйста — возжелал чужого супруга!

В голове он ещё и пнул брата:

— Катись-ка отсюда! Крови ты мне попортил!

Извиваясь ужом, Вэйчу не знал, за что хвататься — за голову или за ушибленную ногу.

— Ты что, серьёзно?! — взвыл он. — Ты знаешь, сколько на меня страховок оформлено?!

— Плевал я на твои страховки!

Классический пример "братского подавления".

Но не добившись ответа, Вэйчу не сдавался:

— Братец, скажи хоть что-нибудь. Вы же с Синъюнем столько лет дружите!

— Хватит лить воду, — отрезал Цинь Хэн.

— Если расскажешь, — продолжал наседавать Вэйчу, — я клянусь — больше ни словом о Линь Цюне!

Цинь Хэн с горькой усмешкой смотрел на одержимого младшего брата. Избалованный семьёй до беспредела, тот впервые так униженно упрашивал.

Сердце Цинь Хэна дрогнуло — как ни крути, а плоть от плоти его.

— Видно, в прошлой жизни наш род Цинь осквернял могилы предков, раз породил такую бестолковую ветошь! — Цинь Хэн с горьким разочарованием смотрел на брата. — Перед свадьбой они и в глаза друг друга не видели. Это клан Линь предложил брак, чтобы подольститься к Фу.

Глаза Цинь Вэйчу загорелись:

— Ну вот, я же говорил!

Цинь Хэн мгновенно раскусил его замыслы и бросил на него грозный взгляд:

— Ну и что? Ты разве не видишь, как они нежничают? Ты что, хочешь разрушить их брак? Слушай меня, Цинь Вэйчу, припрячь свои грязные помыслы! Хватит уже бесчестить наш род — обрети хоть каплю морали!

Хотя Цинь Хэн и говорил это, в глубине души он понимал: в том, что Вэйчу стал таким подлецом, виноваты не только родители, но и он сам, как старший брат, всегда слишком мягкий к младшему.

Цинь Вэйчу отмахнулся:

— Ладно, ладно, знаю. Разве я когда-либо тебя позорил?

— Постоянно.

[...]

Цинь Хэн швырнул ему два объёмных рюкзака:

— Тащи это и проваливай поскорее.

Пройдя почти два часа, они наконец увидели место для кемпинга вдалеке.

Линь Цюн тяжело дышал, но в его голосе звучала неудержимая радость:

— Синъюнь, мы почти пришли.

Фу Синъюнь смотрел на его вспотевшую шею:

— Не устал?

Линь Цюн покачал головой:

— Нет.

Потом наклонился к мужчине:

— А тебе не жарко? Хочешь пить?

Их нежность была очевидна для всех. В этот момент Цинь Хэн услышал тихий вздох рядом.

Цинь Вэйчу прошептал:

— Какой же он заботливый.

[...]

Цинь Хэн вздохнул и решил не обращать внимания на своего безумного младшего брата.

Цзи Яо, сгибаясь под тяжестью рюкзака, кряхтел как старуха, но мгновенно воспрял духом, увидев место для кемпинга.

— Пришли! Почти пришли! — С этими словами он радостно помчался вперёд.

Развернувшись к остальным, он указал рукой:

— Смотрите, вон там!!!

Но в возбуждении Цзи Яо совсем не смотрел под ноги. Внезапно он поскользнулся на чём-то и резко полетел вниз.

— Осторожно!

Линь Цюн проворно подхватил его, не дав грохнуться на землю.

Цзи Яо, вцепившись в его плечо, судорожно перевёл дух — сам себя порядком напугал. С видом человека, чудом избежавшего гибели, он с благодарностью посмотрел на Линь Цюна:

— Спасибо, что был рядом.

Линь Цюн улыбнулся:

— Да ладно.

На мгновение их взгляды встретились — прямо как у главных героев дорамы.

Цинь Вэйчу:

— Какой же он добрый.

Цинь Хэн:

— ...

Помогая тому подняться, Линь Цюн тут же отпустил его и вернулся к Фу Синъюню.

С сияющими глазами он уставился на того в ожидании похвалы:

— Ну как? Я был прекрасен?

Фу Синъюнь посмотрел на то место, где только что лежала рука Цзи Яо:

— Герой спасает красавицу?

Линь Цюн застенчиво потупился:

— Братская поддержка.

...

Линь Цюн подсунул лицо:

— Почему ты меня не хвалишь?

Фу Синъюнь взглянул на него:

— Ты очень ловок.

Линь Цюн нахмурился:

— Ты какой-то неискренний!

— Вовсе нет.

— Твои похвалы звучат совсем без души!

Фу Синъюнь уставился на него.

Линь Цюн:

— Перехвали!

Фу Синъюнь продолжил:

— Ты молодец.

Линь Цюн гордо вскинул голову:

— Вот это уже лучше.

Вскоре компания нашла подходящую поляну и начала разбивать лагерь. Ли Ханьян опустил пронесённый через весь путь железный каркас и небольшую стальную печь.

— Давайте сначала поставим палатки, а потом займёмся остальным.

Никто не возражал, и компания принялась за новые хлопоты.

Устроив Фу Синъюня поудобнее, Линь Цюн принялся помогать другим с палатками. Вскоре он обнаружил, что у них... точнее, у их пары была всего одна палатка.

Он окинул взглядом остальных — у каждого, казалось, была своя собственная. Немного озадаченный, он спросил Цзи Яо:

— Палатки выдаются каждому по одной?

Цзи Яо:

— Да.

Линь Цюн кивнул и уже собирался поинтересоваться, нет ли лишней, как вдруг тот продолжил:

— Но только не вам.

Линь Цюн: !

Цзи Яо приблизился к его уху:

— Изначально я заказывал по одной на каждого. Но потом подумал, что тебе наверняка захочется побыть с Синъюнем, так что я заказал для вас двухместную.

Он многозначительно поднял бровь:

— Ну как, хорошо о тебе позаботился?

...

Линь Цюн на мгновение замолчал, затем произнёс:

— Молодчинка.

— Не благодари, — самодовольно улыбнулся Цзи Яо. — Мы ведь с тобой как сёстры.

Он понизил голос до шёпота:

— Я приготовил для тебя сюрприз.

— Какой сюрприз?

Голос Цзи Яо прозвучал у самого уха, словно дьявольское нашептывание:

— Спальник тоже двухместный.

Линь Цюн: !

Увидев его широко раскрытые глаза, Цзи Яо спросил:

— Ну что, сюрприз приятный?

Линь Цюн глубоко вздохнул:

— При... приятный.

Цзи Яо похлопал его по плечу:

— Не стоит благодарности.

...

Спустя час палатки наконец были установлены. Линь Цюн подошёл к Фу Синъюню:

— Синъюнь, хочешь зайти внутрь, присесть?

Фу Синъюнь:

— Как угодно.

Линь Цюн тоже не видел в этом ничего страшного — делить одну палатку не так уж и плохо, с него не убудет.

Затем они вдвоём с Фу Синъюнем забрались внутрь палатки.

Линь Цюн подложил что-то под спину мужчины, усадил его поудобнее, затем развернулся и начал снимать одежду.

Обширные участки белоснежной кожи открылись взгляду. Только сейчас, когда он снял одежду, Фу Синъюнь заметил, что талия Линь Цюна была не такой мягкой, как он предполагал, а на удивление подтянутой и стройной. При каждом движении рук линии спины изящно вытягивались.

Фу Синъюнь отвел взгляд:

— Что ты делаешь?

Линь Цюн, застрявший на полпути с футболкой на руках:

— Раздеваюсь.

Фу Синъюнь нахмурился:

— Зачем?

— Немного вспотел, хочу переодеться.

С этими словами он отложил в сторону снятую белую футболку, затем достал из рюкзака влажные салфетки и протянул их мужчине:

— Синъюнь, помоги мне протереть спину, сам не дотянусь.

Сказав это, он взял ещё несколько салфеток и принялся вытирать шею.

Рука Фу Синъюня с влажной салфеткой замерла. Его взгляд упал на талию юноши — слегка согнутая спина обнажала позвоночник, выступающий под бледной кожей. Взгляд скользнул ниже, к едва заметным поясничным ямочкам.

Линь Цюн, заметив его неподвижность, обернулся:

— Синъюнь?

Мужчина очнулся и принялся вытирать ему спину влажной салфеткой.

Закончив, Линь Цюн надел чистую одежду и повернулся:

— Синъюнь, теперь ты раздевайся, я тоже вытру тебя.

Фу Синъюнь сразу отказался:

— Мне не нужно.

Линь Цюн:

— Давай, мы остаёмся здесь на три дня. Здесь нет душа, только ручей, но тебе нельзя заходить в холодную воду из-за ноги. Если не вытереть пот сейчас, ночью будет некомфортно.

С этими словами он протянул руку, чтобы снять с мужчины одежду. Фу Синъюнь на словах отнекивался, но совсем не сопротивлялся, когда его раздевали.

Одежда была отброшена в сторону. Линь Цюн ахнул, увидев тело мужчины.

— У тебя прекрасное телосложение!

Хотя он видел его и раньше, сейчас, вблизи, оно вызывало восхищение.

Разглядывая упругие и прекрасные линии мышц, Линь Цюн с восторгом потянулся и потрогал их.

Фу Синъюнь полулежал на подушках с обнажённой мускулистой грудью, полностью отдаваясь на милость юноши.

Линь Цюн с жадностью смотрел на его мощные плечи:

— Можно потрогать?

Фу Синъюнь отвёл взгляд:

— Как хочешь.

Услышав это, Линь Цюн поспешил провести рукой по ним, затем вытянул свою для сравнения. Разница была очевидна — просто цыплёнок по сравнению с орлом.

Наигравшись, Линь Цюн принялся вытирать тело мужчины. Только закончил, как снаружи палатки раздался голос:

— Линь Цюн, пойдёшь собирать хворост?

Линь Цюн вздрогнул и поспешно ответил:

— Иду, иду!

Затем, повернувшись к Фу Синъюню, сказал:

— Синъюнь, одевайся, я выхожу.

Ли Ханьян и Цзи Яо, слышавшие диалог снаружи:

— ...

Тьфу! Проклятые любовники!

Когда Линь Цюн вышел из палатки, на нём явно была другая одежда, а волосы слегка растрепались.

Цзи Яо посмотрел на него:

— Линь Цюн.

Линь Цюн с невинным видом:

— Что такое?

— Вы двое сразу так... энергично принялись?

Примечание:

Цюн-цзай: Мы чисты и невинны!

Лао Фу: Ты уже испорчен, остаётся только быть со мной.

<http://bllate.org/book/12640/1121136>